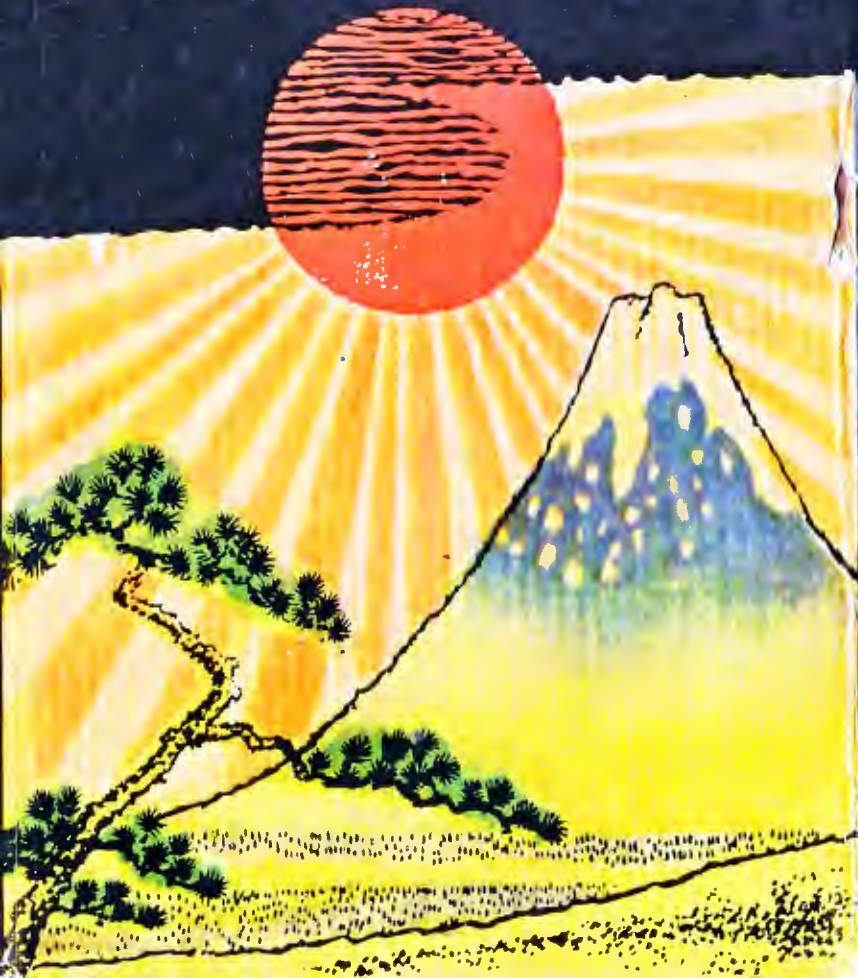

ПЕСНИ ХИРОСИМЫ

廣島のうた

ПЕСНИ ХМРОСЫ

3 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31 32 33 34 35 36 37 38 39 40 41 42 43 44 45 46 47 48 49 50 51 52 53 54 55 56 57 58 59 60 61 62 63 64 65 66 67 68 69 70 71 72 73 74 75 76 77 78 79 80 81 82 83 84 85 86 87 88 89 90 91 92 93 94 95 96 97 98 99 100

**П Е С Н И
ХИРОСИМЫ**

●

Перевод с японского
АНАТОЛИЯ МАМОНОВА

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ЛИТЕРАТУРА“
М о с к в а 1 9 6 4**

И (Яп)

П-28

Вступительная статья

К. СИМОНОВА

Примечания

А. МАМОНОВА

Оформление художника

Ю. БОЯРСКОГО

НЕТ — ВОЙНЕ!

На мой взгляд, эта книга стихов не нуждается в длинном прозаическом предисловии. Эта книга — хорошая книга. Не только потому, что в ней есть хорошие стихи хороших поэтов, а еще и потому, и, быть может, прежде всего потому, что в ней есть послевоенная Япония, есть ее народные думы, ее гнев, ее надежды, ее опасения.

Мне довелось быть в Хиросиме и в Нагасаки в декабре 1945 года, всего через несколько месяцев после взрыва атомных бомб. Я помню открывшееся мне зрелище. Позднее я много раз читал его описание во многих книгах, и все-таки помню свою собственную Хиросиму, ту, которую видел сам. И помню то чувство, с которым смотрел на это пепелище. «Неужели это возможно?» — думал я тогда, стоя там. «Неужели это возможно?» — думал я не раз впоследствии. «Неужели возможно, что это повторится?» — думаю я сейчас, девятнадцать лет спустя.

Тогда, стоя на развалинах Хиросимы, я хотя и видел их своими глазами, хотя и знал число непосредственных жертв в день бомбардировки, но не

знал все-таки, да и не мог тогда еще знать всей меры происшедшего бедствия.

Этого не знал и мой японский друг, с которым мы стояли тогда рядом на земле Хиросимы. В тот день он считал, что его близкие, оказавшиеся во время взрыва там, неподалеку, спаслись. Ведь они могли оказаться и в самой Хиросиме и тогда погибли бы непременно. Мой друг еще не знал, что брат его жены — живой и здоровый, совсем еще молодой человек — следующей весной умрет от последствий бомбардировки. Умрет потому, что оказался все-таки слишком близко к месту взрыва... Он не знал и того, что через несколько лет по той же причине скончается и его жена.

Мой друг не знал этого. И я не знал. И миллионы людей тогда еще не знали о последствиях, которые на протяжении многих лет продолжает приносить этот день — день Хиросимы.

Но теперь люди знают о них. И книга, которой я предпосылаю эти строки, — это книга стихов, написанных людьми, хорошо знающими, что такое Хиросима, каковы ее последствия и чем может стать их страна и другие страны, если кто-нибудь снова занесет руку для того, чтобы совершить новое — и теперь уже непоправимое — безумие, если никто не схватит и не остановит эту руку, пока не поздно.

Эта книга яростно, непреклонно, твердо говорит «нет!» новой войне. Нет, нет и нет! И я, присоединяя свой голос к голосам авторов-поэтов, чьи произведения составили этот сборник, уверен, что каждый человек, прочитавший его, будет готов поставить на его страницах свое собственное: «Нет — новой войне!»

И если бы один экземпляр этой книги мог обойти всю нашу страну, если бы на нем могли уместиться все надписи: «Нет — войне!», которые захотели бы сделать советские люди, то книга эта к концу ее путешествия по нашей родине собрала бы двести с лишним миллионов подписей. На ней были бы подписи всех людей моей страны, за исключением тех самых маленьких людей, которые еще не пошли в школу и о которых все остальные думают в первую очередь, говоря свое «Нет — войне!».

Константин Симонов

ПЕСНИ
ХИРОСИМЫ

ТАМИКИ ХАРА

ДАЙТЕ ВОДЫ!

Дайте воды! Дайте воды!
Аа-а!.. Напоите!..
Ах, умереть бы скорей!
На помощь!.. На помощь!..
Воды!
Воды!
Где хоть одна живая душа?
 Оо-о!.. Оо-о!!
Рушится небо.
Улиц не видно.
Клокочет река.
 Оо-о!.. Оо-о!!
Ночь наступает.
Ночь наступает.
В глазах невидящих — пламя.
На губах запекшихся — пламя.

«Воды!.. Воды!! Воды!!!» —
Стон человеческий слышится.

Толпы обугленных тел,
Бегущих, ползущих на четвереньках.
«Пить!.. Пить!.. Пить!..» —
Стонут в огненном море.

САНКИТИ ТОГЭ

РАССВЕТ

Они мечтают:

мечтает рабочий, застывший с кайлом в руках,
он в каплях пота, что в долю секунды
вскипели и стали рубцами;

мечтает старуха, припав щекою к швейной
машине,—

удушлив дурмящий запах
кожи паленой;

и девушка из театральной кассы
тоже мечтает, вцепившись пальцами
в скрюченные, словно клешни у краба,
ноги свои;

и мальчишка, предлагавший прохожим спички,
мальчишка с тонкой ребячьей шеей,
в которую тысячью ос впились
осколки сметенных окон...

Они мечтают:

что элемент чудодейственный,
из уранита и карнотита,
Землю преобразит —

превратит пустыни в плодородные пашни,
и подошвы горных вершин
омоет водой каналов,
и в безлюдных просторах Арктики
рукотворные солнца зажжет,
и создаст города и поселки
из чистого золота.

Они мечтают:

что в тени, под шумящей листвою,
где присядут рабочие отдохнуть,
будут флаги праздничные колыхаться
и шептать им губами нежными
легенды о Хиросиме.

Они мечтают:

что злобные, человекоподобные вепри,
жаждущие истребить все живое на свете,
останутся жить лишь в книжках-картинках для
самых маленьких;
что энергия, в тысячу раз мощнее взорванной
бомбы,
станет служить человеку — покорителю атома;
что наступит рассвет,
когда весь урожай науки
будет роздан людям, живущим в мире,
роздан, как виноградные гроздья,
мокрые от росы.

СОСЮН ФУКАГАВА

РУКИ ТЯНУТСЯ ВВЫСЬ

Шла весна, побеждая зиму,
И текла, вздувая бока,
Рассекающая Хиросиму,
Голубая, как небо, река.
И как память о страшном дне
Вдруг увидел я кость на дне...

Чья была она, чья была
Эта кость, что как снег бела?
Вижу девушек с пышной копною
Смоляных, словно ночь, волос
И парней, которым весною
Целовать их не довелось...

О, когда же навек ответят
Елики призраков предо мной?..
Снова, снова виденье Смерти —
Не погасший в воде немой,
Не подвластный теченью лет
Юных душ немеркнуций свет!

Ах, как тянутся руки ввысь,—
В глубину, в глубину взглядишь!
Это девушки с пышной копною
Смоляных, словно ночь, волос
Или парни, которым весною
Целовать их не довелось?..

Скорбный шепот — не вод бегущих,
Не ветвей, не листьев, не трав,—
Это шепот теней плывущих,
Что живут, песчинками став.
Шепчет, шепчет живое дно,
И в глазах от блеска черно...

Чья была она, чья была
Эта кость, что как снег бела?..
Слышу шепот мужчин и женщин.
Слышу клятвы, и гнев, и стон...
«Пусть не будет вновь изувечен
Светлый мир, что для вас рожден!»

КИСИРО ТАНАКА

ХОЛМ

На зеленом холме
Островка Ниносима
Покоится дочь моя...
Имя ее
Среди тысяч имен затерялось...
О, как душит тоска...

Хиросима --
Атомный город!

ЗАКАТ

Я не слышу тебя,
Я не вижу тебя...
На развалинах школы
Догорают лучи
Заходящего солнца...

Хиросима —
Атомный город!

ТАКАНОРИ СИМИДЗУ

ЛЮДЯМ ВСЕГО МИРА

Люди!
Просите —
Пусть Хиросима
Споет о своем несчастье,
Песня ее станет вашей любимой,
Сердца вашего частью...
Город
Раскрыл
Обожженный рот
В муке невыносимой...
Люди, вы слышите?
Песню поет,
Песню поет Хиросима!
Голос глухой, голос как медь:
«...О нет,
Мужчины и женщины, нет!
Разве мы можем петь?
Разве могут быть песни у нас,
Если нежный солнечный свет

Со звездами вместе угас?
Если нашим мертвым очам
Открываются дали небес,
В синеве их, кажется нам,
Видим все, что потеряно здесь;
Видим ночь среди ясного дня,
Слышим вопли в море огня
И шипенье, с которым река
Кровь и пепел смывает с песка...
Разве мы можем петь?
Нашим песням вовек не звенеть.
Ничего, кроме ваших слез,
Нет у тех, кто травой пророс.
Ничего не осталось у нас.
Ничего,
Кроме скорби людской!
Лишь цветков полевой
Над провалами выжженных глаз...»

Люди!
Вы слышите?
Песня звучит,
Песнь о великом горе.
Люди,
Для вас эту песню поет
Из пепла восставший город,

Город,
Который вас в гости ждет,—
Там песни печально-красивы
И так безмятежна, так глубока
Синева реки Хиросимы!
Синева небес Хиросимы!..

ЖИЗНЬ

Я не помню, когда это было.
Ни единого облачка в небе прозрачном...
Я стоял на развалинах, черных от гари,
И курил свою трубку —
Лиловый дымок безмятежно свивался
В нежные кольца...
Внезапно
Издалека
Налетел и пахнул в лицо
Полевыми цветами ветер,
Обострив мое зренье
И сердце мое
Учащеннее биться заставив...

Жизнь!.. Я так благодарен тебе
За то, что ты есть на свете!

СЁСУКЭ СИМА

ПЛЫВУЩИЙ БУКЕТ

(Написано на берегу реки в Хиросиме)

Плывут, спокойны в утреннем теченье,
Немые волны, словно дым руин.
Кто бросил им, как жертвоприношенье,
Букет багрово-красных георгин?

Лишь август подойдет — слышны рыдания,
Болезненно сжимаются сердца.
И горестно текут воспоминанья,
И кажется, не будет им конца.

В реке купаясь, маленькие дети
Со дна порою кости достают...
Как саваном, прикрыл останки эти
В тот черный день зловецкий парашют¹.

¹ Американская атомная бомба была сброшена над Хиросимой на парашюте 6 августа 1945 года, над Нагасаки — 9 августа 1945 года.

Колокола звонят и звоном славят
Могучей жизни трепетный рассвет.
Течет река... Кому она доставит
Плывущий по волнам ее букет?

МИЯО ОХАРА

«ЦВЕТОК АТОМНОЙ БОМБЫ»

Прилив оставил из пены венки
На узкой косе песчаной,
И в белом венке алый вьюнок
Мой взор приковал печальный.
Как ярко горят его лепестки,
Слепящие, точно пламя!
Они воскрешают тот день тоски,
Омытый моими слезами,
Тот день, клонившийся тихо к концу,
Когда с бесконечной тревогой,
Не помня себя, я мчался к отцу
Проселочною дорогой.
Напрасно!..
Он горсткою пепла стал,
Дымком над грудой развалин.
И долго я безутешно рыдал,
Бедой, как стеной, раздавлен.
И вдруг сквозь слезы алый цветок,
Неведомо как уцелевший,
Увидел тогда я,— цветок-вьюнок

На изгороди обгоревшей.
Он мне улыбался в вихре огня,
Смеялся на жерди зыбкой...
До самого сердца пронзила меня
Кошунственная улыбка.
И в гневе хотел я цветок растоптать
И вырвать навеки с корнем,—
Да он через год расцветет опять,
Напомнит опять о скорби...
Лишь август наступит — в руинах кругом
Горит он, как символ печали.
Недаром «атомной бомбы цветком»
Люди его назвали.

КАМЭТАРО ТАНАКА

РЕАЛЬНОЕ ВИДЕНИЕ

Я стою у разбитой стены
В пышной зелени знойного лета,
Предо мною при свете луны
Возникает видение это:
Разъяренная взрывом вода
Вместе с берегом шлюз поглотила,
Чистый домик исчез без следа,
И пригорок — под толщею ила...
Безмятежна озерная гладь,
Звезды в небе и в озере звезды,
Только юноша скорбный опять
Сотрясает рыданиями воздух.
Словно эта вода унесла
Его собственный дом и мечтанье...
Иль узнал он, что вдруг умерла
Та, к которой он шел на свиданье?..

УТРЕННИЙ ПЕЙЗАЖ

Майский, едва ощутимый,
Как нежные пальцы,
Как ласка любимой,
Ветерок
Играет на перекрестке,
К ворсинкам
На свитере путника льнет.
Время идет...

Из-за угла,
Словно белой стены кусочек,
Выплывает нарядный молочник,
Нарушая звенящую тишину
Стуком своих
Деревянных сандалий.
Идет зеленщик,
А в тележке,
Румяны,
Красуются овощи под целлофаном.

И вдруг —
Пробуждается улица сонная,
Оживают дали туманные —
«Неоконченная» симфония¹
Звуки плеснула ранние,
Льется, течет, разливается
Мелодия утра в воздухе алом
Подобно горящим каплям
Расплавленного металла...

Зеленые листья,
Проспавшие ночь у обочин,
Удивленно таращат глаза,
Словно в жизни своей
Каждый листочек
Не видел,
Как утро творит чудеса.

Птицы
Еще не резвятся над городом,
А ветер тучам сбривает бороды,
И тучи бормочут:
«Мы солнце не скроем,
Солнцу вставать пора...»

¹ Автор имеет в виду «Неоконченную» (Седьмую) симфонию австрийского композитора Франца Петера Шуберта (1797—1828).

И горизонт
Покрывается тонким слоем
Сверкающего серебра.
Облако село на крышу
И тает, тает...
Облако — флаг свободы,
Недосягаемый, недостижимый,
Вихрем разорванный на лоскутки!
Стелются влажными хлопьями
Над землею его куски...
Они украшают орнаментом улицы,
Они, словно саван, окутали скорбно
Останки погибших
И выживших души...

О время, сжался!
Ведь так не скоро
Ты вылечишь сердце
И слезы осушишь...

ХИРОХИДЭ ЦУНОДА

ПРОЩАНИЕ В МОРЕ

Негромко в открытом море
В сумерках прозвучали
Три орудийных залпа,
И волны зеленые вскоре
Черными-черными стали.

На тучах рубиновым светом
Алела вечерняя зорька.
Над палубой облако пара,
Подобное тени скелета,
Взлетая, вздыхало горько.
Кто умер? Кто плачет без друга?

...Что может быть сумеркам ближе,
Чем в море немая могила
И волны, в которых три круга,
Прощаясь, корабль опишет?

МОЕЙ ЖЕНЕ

Я стою на крыльце,
Мне нужно уйти,
Но с любимой и на час расставаться жаль.

Подошла. Говорит мне: «Весна в пути.
Вот уже наступил февраль,
А почки на персиках не распустились --
Сердце опередило их, в сердце цветы раскрылись».

Любимая!
Помнишь?
Давно ушедшей весной,
Как сейчас, ты стояла рядом со мной
И безмолвно смотрела, влюбленно и грустно.
Так грустно... Любимый тебя позабыл!
Мои мысли блуждали, и в душе было пусто,
Потому что тогда я лишь славу любил.

Помнишь?
Ты нежно прильнула ко мне,

Застенчиво, робко,
Словно легкая тень.
Но весь я в заоблачной жил вышине,
Был славы рабом, не жалея об этом.
И все-таки нежность, как солнечный день,
Мне душу тогда перешолила светом.
И я не ушел, не покинул крыльцо —
Я плакал, тронутый лаской твоей,
И, обняв тебя, я спрятал лицо
В черном шелке милых кудрей...

Вот и сейчас
Ты рядом стоишь,
Но уже появились морщинки у глаз.
Мы знаем теперь, как опасно идти
Через пропасти жизни.
Ты мне говоришь,
Ты ласково мне говоришь:
«Наверное, персики марта ждут...»

Любимая,
Персики будут цвести!
Они зацветут, зацветут!

ПЕСОК ШЕСТОГО АВГУСТА

Я боюсь наступить на этот песок,
Словно это —
Клеточки тела живого.
Он струится, шуршит у ног,
То смолкает, то шепчет снова...
Вижу —
Песчинки,
Любая и каждая,
Мечутся, мечутся...
Вижу —
Песчинки,
Любая и каждая,
Светятся, светятся...
Каждая и любая,
Все вместе,
Они обнимаются в серой тени,
И кажется, ярко горят они.
Вижу —
Они привстают на цыпочках,
Слыша вдали колокольный звон,

И чудится мне
Их тяжкий,
Едва уловимый стон.
Я боюсь наступить на этот песок..
Весь в крови, всем живым завещан —
Он струится, шуршит у ног,
Нескончаем, несчетен, вечен!
Разве не кости это
Самой земли,
Растиертые в атомы,
Кости земли
С кровавыми пятнами?
Песчинки,
Любая и каждая,
Обжигают меня своим дыханьем,
Пылают они,
Как искры,
Взлетающие над костром,
И кажется мне,
Что днем долгожданным
Зашевелятся и оживут
Все песчинки кругом..
Вижу —
Встают,
Обнимая друг друга,
С единой мольбой
И мечтами одним,

И знает округа:
Покой у песчинок
Никто не отнимет.
Любая и каждая —
Жаждут они
Жить, созидать, как прежде,
И ярко сверкают глаза-огни,
В опаленное небо
Глядя с надеждой!..
Я боюсь наступить на этот песок,
Словно это —
Клеточки тела живого.
Он струится, шуршит у ног,
То смолкает, то шепчет снова...

НОВЫЕ ОФЕЛИИ

Течение реки голубой
Неизменно
Как в древности, так и ныне,
Лишь изменилась воды окраска —
В ней меньше оттенков синих.
С сорок пятого
Множество юных
И прекрасных безумных Офелий
Спят на дне золотом непробудно,
Как под чарами дивные феи...
Так бросим же, люди, цветы по

течению —

Ведь в августе том,
В такую ж погоду,
Несметное множество юных Офелий
Цветы,
Обезумев,
Бросали в воду...

Бросали в прохладу речной струи
Раскаленные розы — тела свои!

В РУИНАХ

Я иду по весенней распутице,
Рушится тающий лед,
Тоска — постоянная спутница —
Рядом со мною бредет.
Солнце лучи полощет
В лужах, ручьях, реке.
Юная зелень в роще
Виднеется вдалеке.
Угли... Словно в пустыне,
Земля горяча и мертва,
Руины еще не остыли,
Но к жизни рвется трава.
Я ищу своего ребенка.
Осторожно иду по золе,
Ветер холодный звонко
Поет о весенней земле.
Я стою на мосту, над потоком,
С думой и болью одной,
Стою и в страданье глубоком
Взываю к воде ледяной...

Но жестока река и капризна,
Вижу —
Вспышка в немой глубине!
О, это только призрак
Снова явился мне..

РЕКА В ОГНЕННОМ ПАРИКЕ

Однажды,
Как солнце, вспыхнув от взрыва,
Метнулся огонь по реке.
Однажды
В крови рванулась к заливу
Река в огненном парике.
И слышались стоны и плач у излучки
Истерзанных и бездомных людей...
В ужасе вскинув сожженные руки,
Люди молились ей:
«О река! Измени свой огненный цвет,
Сорви свой страшный парик!
О река! Протянулся кровавый след —
Весь город к тебе приник!..»
Никогда,
Никогда не пылать ей снова,
Не высохнуть, не иссякнуть вовек.
Никогда,
Никогда в парике багровом
Не увидит ее человек.

БУДЬ ПРЕКРАСНОЙ, РЕКА, НАВЕКИ!

I

Волны пылают, в огне река —
В ужасе я отпрянул.
О, как похож этот красный закат
На открытую рану!
Я срываю с памяти бинт:
Взрыв! — и солнце ослепло...
Нет, не верю, что сын убит
Ядом зловещего пепла!
Волны, темнея, бегут в залив,
Синие волны, живые волны.
Будто слезы ни одной не пролив,
Стою и смотрю безмолвный...
Кажется мне, из глубин вот-вот,
Подняв удивленно веки,
Мальчик мой на волны всплывет...

Будь прекрасной, река, навеки!

II

Река не разбита.
Река не разрушена.

В зеркале вод
Отраженная синь плывет.
Безмятежно изо дня в день.
Облака отдыхают в реке,
А на дне —
Обгоревшее дерево в желтом песке.

И, быть может, каждую ночь
Мой ребенок
Видит во сне,
Как на дереве том, в глубине,
Подгоняемые теченьем,
Качаются мерно качели...

О звон колокольный,
Славящий жизни рожденье!
Прославь красоту этих вод,
Бессмертие этой реки,
Вечной в своем движенье!..

Река не сгорела.
Река — жива!

ЛУННЫЙ ПРИЛИВ

Прилив на реке —
На берег пустой
Под тяжестью лунного света
Вползают черные воды.

Прилив на реке —
Осколки луны
Разбросаны рябью по гривам,
Грохочут ползущие волны.

Прилив на реке —
В осколках луны
Дрожат силуэты развалин,
Чуть колеблется контур безмолвный.

Прилив на реке —
Сижу средь руин,
Смотрю на бегущие волны,
На кромку из пенной пряжи...

Пылает костер —
Я готовлю еду,
И сардинка напомнила мне
О людях, горевших заживо..

Т Е Б Е ...

Слышен хор неумолчный — лягушки в осоке...
Ты сидишь, наклонившись, у самой реки.
Над тобой звездный купол и берег высокий,
А внизу — огоньки, огоньки, огоньки.

В волосах твоих нежно стрекочут цикады,
Светлячки украшеньями искрятся в них.
Отраженные звезды — алмазов каскады,—
Словно перстни, сверкают на пальцах твоих.

...В опрокинутом куполе перстни тускнеют
И дрожат, расплываясь на тонкой руке.
Я очнулся — лишь звезды на небе синеют.
Я очнулся — лишь легкая зыбь на реке.

СВЕРКАЮЩАЯ ДОРОЖКА НА РЕКЕ

Серебром отливают дорожка,
А вокруг — вода голубая.
Если хочешь, иди осторожно,
По солнечным бликам ступая.
Ты услышишь подводные хоры —
То ли плач, то ли звуки смеха,
Ты услышишь теней разговоры
И пронзительно гулкое эхо...

О, как будто река раскололась —
Это голос, ребенка голос!

...Зеленеют на дне тропинки,
И звучат задушевные песни,
То поют, то поют песчинки...
Неужели тени воскресли?
Неужели они, живые,
В отраженьях радуги плещутся?

Их глаза, как вода, голубые...

Неужели это мерещится?..

Ах вы, голуби, белые голуби —

Облака, летящие в высях

Над пустырями голыми!..

ОТВЕТ НА БУЛЫЖНИКАХ МОСТОВОЙ

В те холодные сумерки пальцы дрожали твои,
Как травинки засохшие в поле осеннем от ветра.
Так дрожали, что даже фитиль подкрутить не
могли

В угасающей лампе...

Что хотели найти они — руки твои?

Твои губы, как зарево, вспыхнули ярко на миг...
С той поры только ответ вечернего солнца я
вижу
На булыжниках тусклых... Одиночества дымный
нагар —

В остывающем сердце...

Что хотели сказать они — губы твои?

**СТИХИ НА ПАМЯТНИКЕ ЖЕРТВАМ
АТОМНОЙ БОМБЫ¹**

На смерть Тамики Хара

Алым цветком на камне
Смерть расцветает ваша.
Жизнь воспевающим гимном
Серый гранит украшен:
Стихами — подарком мертвых
Нам, друзьям и знакомым, —
Седой монумент украшен
Перед разрушенным домом.

¹ Автор имеет в виду трехстишие, высеченное на памятнике жертвам атомной бомбы в Хиросиме:

Спите спокойно,
Ошибка
Не повторится вовек

Рядом — руины замка
И угол ограды древней,
Рядом — желтой листвою
Шумят и шумят деревья...
Надпись на сером граните —
Памятник нам, живущим,
Памятник всей Хиросиме,
К миру властно зовущий.

Дождь шелестит осенний,
Алый цветок колышет.
Тысячеустый шепот
В шуме его я слышу,
Шепот погибших братьев,
Шепот сестер сгоревших,
Чьей кровью вспоен
и вскормлен
Этот цветок воскресший.

Алый цветок на камне!
Символ неотразимый!
Ты в каждом сердце сегодня
Цветешь на земле Хиросимы!
Цветешь, пустырь украшая,
В траве расцветаешь сорной.

На нашей дороге к миру
Сметешь ты колючки терна!

Мы все говорим: «Так будет!»
Клянемся мы все: «Так будет!»

САДАКО КУРИХАРА

ДЕРЕВО

*Посвящается V Международной
конференции за запрещение атомного
и водородного оружия.*

Обугленный ствол,
От него во все стороны
Тянутся ветви,
Как руки,
Растут и целуются с ветром,
И один за другим рождаются
Тоненькие листки.

А солнце горит,
Раскаляя иссохшую почву.
Корни тянутся вглубь
И пьют
Кровь из песка Хиросимы,

И вскипают кровавые соки
В сердцевине ствола.

Кровь течет — от листка к листку, —
Растекаясь по «городу атомной бомбы»¹.

¹ «Город атомной бомбы» («Гэмбаку тоси») — так называют в Японии уничтоженные американцами города — Хиросиму и Нагасаки.

ИНВАЛИДЫ ВОЙНЫ

Кто без рук,
Кто без ног —
Отцы и мужья
Сидят на обочинах людных дорог
В белых больничных халатах.
Пустые болтаются рукава...
«Пода-айте инвалиду войны!..»
И если последуют дальше слова —
Что-нибудь в коммунистическом духе,
Прохожие, отвернувшись в испуге,
Верноподданно дальше идут.

Поэтому
Инвалиды у входа в универмаг
Собираются
И распевают песни,
Не о политике —
О любви,
Под жалобный голос
Аккордеона,

И обнажают раны свои...
Обычный удел солдата
Императорской армии!

Словно примерзшие к каменным плитам,
Обрубки людей... Леденит ветерок,
И острая боль пронзает
Остатки отрезанных ног.

Мимо,

С резиновой жвачкой в зубах,
С девчонкой местной в обнимку,
Прошел оккупант — «джиай»¹,
Пошатываясь от виски.

Она засмеялась, плечами пожав,
И бросила несколько слов по-английски...

«Падаль! — сплюнул ей вслед инвалид.—
И такие

На фронт отправляли подарки!»
Обычный удел солдата
Императорской армии.

Кто без рук.
Кто без ног.
Отцы и мужья...

¹ «Д ж и а й» (GI) — сокращение от «Government Issue»
(прозвище солдата американской армии).

С Н Е Г

Снег, бесшумно идущий,
Снег, так долго летящий
И скрывающий медленно-медленно,
Как бинтами, черную землю...
На ветвях обнаженных — снег,
На столбах телеграфных — снег,
И на крышах — повсюду снег.

Воробьи, что, нахохлившись, прыгали
На дворе больничном, — исчезли.
За окном — лишь белые хлопья,
За окном — снежинки танцуют,
А внутри — лишь гнетущие думы,
Отражение черной жизни...

Снег, бесшумно идущий,
Снег, так долго летящий
И скрывающий медленно-медленно,
Как бинтами, черную землю...

На ветвях обнаженных — снег,
На столбах телеграфных — снег.
И на крышах — повсюду снег!

Только сердце мое по-прежнему
Пепельно-серого цвета...

ФУМИКО НАКАНО

СКОРЬ

Памяти Айкики Кубояма

«В конце концов Кубояма скончался...» —
Радио страшную весть принесло.
Голос диктора оборвался,
Срезанный острою болью слов.

Тихо. Слеза, по щеке скользя,
Падает...
Ах, не падай!
Вздогнула — плакать нельзя,
За счастье — бороться надо!

ТОСАБУРО ОНО

МАНИЯ КОЛЛЕКЦИОНИРОВАНИЯ НОВЫХ СЛОВ

Так ли это?

Безобидная шутка, не более,—

Не задевающая человека?

Есть субъекты, которые смеются.

Они считают, что это английское слово — «строн-
ций 90» — не для поэзии.

Но раз я запомнил его,

Я не могу удержаться от искушения.

Я употребляю «заграничное» слово.

Я извлекаю его на свет во мраке моей
поэтической лаборатории.

Я вцепился в него

Раньше других поэтов.

«Стронций 90»! Что-то не очень звучит.

Я бы даже сказал — неприятно для слуха.

Что ж, может быть, оно и не отвечает твоему
вкусу, поэт.

Но у него свой смысл, своя особенность...

Я

Этим словом

Для женщин, которых люблю,
Напишу стихотворение.
Сплетенье ветвей, напоминающее химическую
формулу этого слова,
Похоже на пух одуванчика, что, цепляясь за травы,
стелется по земле,
Гонимый ветром весною ранней. Это — лирика
«Стронций 90»!
Он собирается в костях ребенка, спящего в
колыбели,
Проникает в костный мозг. Это — детская песня.
Он поет в желудке меч-рыбы, которую ловят
туземцы с островов Тихого океана.
Это — народная песня.
«Цезий 137»!
Он свистит в молоке ароматном, словно дует в
свирель,
Свистит в каждой сотой микрокюри
На литр молока.
Это — пастушья песня.
Поэзия, что таится в корнях и стручках гороха.
Поэзия, что таится в костях ребенка, спящего в
колыбели.
«Стронций 90». «Цезий 137».
Я пою для любимых женщин
И для маленьких детей,

Употребляя эти дико звучащие в нашей
транскрипции

Английские слова.

Пою раньше всех в мире поэтов. У меня есть
причины

Я пишу стихотворение

Ради туземцев с островов Тихого океана, ради
тучной дойной коровы.

О звуки транскрибированных английских слов,
Которые днем и ночью
Разрушают структуру и строй японского языка...
«Ника», «Корпорал», «Тор»,
«Рэдстоун», «Фалкон»,
«Атлас», «Титан», «Терьер»...¹

¹ Автор перечисляет названия различных типов американских управляемых снарядов, размещенных на территории Японии.

ХИРОСИ НОМА

СИГНАЛ

Бесшумно, как падают звезды,
Что-то подкрадывается ко мне,
И вдруг — на глазах выступают слезы,
Стиснуты зубы, сердце в огне.

О Япония, как ты бедна и задумчива,
Как похожа на солнце за тучами.
Кто улыбку твою согнал?
...Улицы. Вечер. Свет неясный.
На перекрестках мигает сигнал:
То зеленый, то красный... то зеленый,
то красный...

Вечер. Грузовики бегут,
Белые, желтые, черные...
Каждому пропуск дают
Во тьме глаза семафорные.

Если гнев, о котором пою,
Зеленый, как листья летом,

Я отдам ему кровь мою
Ярко-красного цвета.
Чтоб не гасли в глазах огни
И сердца не бились в агонии,
Семафор, ты мелькни, разгони
Все печали скорбящей Японии.
Тихо, тихо, как падают звезды,
Ты открой все дороги-пути
Только гневу, бурлящему грозно,
Лишь его скорей пропусти.

О Япония, как ты бедна и задумчива,
Как похожа на солнце за тучами.

МОЙ ТОКИО

Мой Токио! Стоишь, как старец, скрючен,
Под бременем долгов,

дымы клубя...

Возвысь свой голос!

Пусть прорвет он тучи,

Сковавшие безмолвием тебя.

Пусть вопиют чадающие руины,
Пусть камни обгоревшие кричат,
Пусть громы гнева, пробудив долины,
Плакатами у баз чужих торчат!..

Мой Токио, невысохшие слезы

Еще в морщинах на твоих щеках.

Ты обнажен... Ты нем... Еще морозы

Пустых иллюзий сковывают шаг.

Встань же, город! Смолкните, молитвы!

Встань, молодежь,— на бой, на бой, на бой!

Ты песню мира, песню правой битвы,

Мой город Токио, скорей запой!

СИГЭДЗИ ЦУБОИ

РОЗА

Черное дуло
Нацелено в розу —
Черная смерть
Целится в грудь...
Ведь там еще есть пространство,
Где расцветают розы!

П Е С Н Я

Куда ни помотришь — стена.
Куда ни помотришь — дула глядят.
Между глазами людей
И глазами винтовок —
Мертвая тишина.
Расстоянье — рукой подать.
Ближе... ближе... «Огонь!» —
Но песня
Звучит и звучит опять
И бьется, как голубь, в яростных
вспышках...
Даже в песню целятся ружья!
Даже в песню целятся ружья!..

ТОСИКО ИКУТА

МАРШ МИРА

*При встрече с одной из колонн
«великого похода за мир», направля-
ющейся из Фукуи в Токио.*

Шагают, а ливень по улице хлещет.
Идут нескончаемые ряды.
К зонтику зонтик, на мокрые плечи
Стекают, стекают струи воды...

И, словно прорвав дождевые нити,
Призыв обжигает стоящих во мгле:
«Товарищи, с нами хоть шаг пройдите,
Хоть шаг — ради мира на всей Земле!»

И ты, как вихрем подхвачен ревушим,
Рванувшись с места, влетаешь в строй.
Идешь, а колонна все гуще и гуще
Людьми обрастает в одежде сырой.

И сердце твое — словно в пламя одето,
Стучит, забыв и сон и покой.

С тобою о мире взывает планета,
Ты с теми, кто машет с балконов рукой.

Из окон раскрытых — весь путь до
столицы! —

Бумажные ленты летят и цветы...
Метель над дорогой! И светятся лица!
И вместе со всеми скандируешь ты:

«Да здравствует мир! Не забыть Хиросиму!
Да здравствует мир без оружия, без войн!»
Идешь, ощущая великую силу
Приветливых, дружеских рук над собой.

Окраина видится на горизонте.
Идешь и не знаешь, что в этот момент
Стал красным, как знамя, белый твой зонтик
От ярких обрывков сброшенных лент.

ПОДПИСЬ ЗА МИР

Их было две, лишь две на всей планете,
И обе на Японию упали,
Те бомбы атомные. И в Стокгольме
Посланцы мира приняли Воззвание —
Пусть никогда кошмар не повторится!
Поставь же подпись под Воззванием мира!
А если ты считаешь, как иные,
Что это лишь «затея коммунистов»,
Тебе отвечу я: «А разве бомба,
Что вдруг взметнется смертоносным пеплом,
Копаться станет в документах наших
И убежденья наши разбирать?
Ей все равно: ты белый или черный,
Социалист иль коммунист — не важно!
Ты станешь горсткой тлеющего праха
И даже травами не прорастешь вовеки...
Пускай не хочешь ты служить, быть может,
«Затеям коммунистов», но — подумай!
Хотя б о жизни собственной подумай
И под Воззванием мира подпишись!»

КОИТИ ОСЭКИ

* * *

О синева безмятежного неба! —
В тот день,
Умирая от ран,
Девочка плакала:
«Не хочу, не хочу воздушных
налетов!...»

Я Б Л О К О

Вырублен сад.
Янки стоят.
Яблонь груды —
Маскировка орудий.
Стреляют янки
В дом кореянки,
И днем и ночью
Яблони топчут.
Сад изранен.
На киноэкране
Вырублен сад.
В зале молчат.
Вдруг
Девочка-японка
Вскрикнула звонко,
Вскочила со стула
И в янки швырнула
Яблоко!
Зал —
Рукоплескал!

МИНОРУ ЯМАМОТО

РЕБЕНОК, ПРОДАЮЩИЙ ОРЕХИ

На белом снегу
По тихой дорожке,
Темнея, бегут
Следы-босоножки.
И гаснет день...
На белом снегу
Малютка-тень.
Срывается с губ:
«Кому орехов!..»
Не слышно эха.
Ослаб голосок,
А вечер далек.
...На белом снегу
Тень-великан:
Колеса бегут
По свежим следам.
Огромные шины,
Пушистый снег,

Следы большие...
«...Оре-ехи, орех...»
Ослаб голосок,
А вечер далек.

ОДАГИРИ КИЁМИЦУ

ДРУГ ДЕТСТВА

Это было давно —
Мы с тобою дружили,
Читали вместе;
Мы сидели за партой одной,
И дрались,
И любимые пели песни...

А потом
Ясным днем
Полыхнуло огнем —
Как тайфун,
Война налетела,
Смела цветы под школьным окном
И нас разлучила...

Война отгремела.
Годы бегут и бегут к концу,
Но образ детства в памяти светел.
И вдруг, на вокзале
Лицом к лицу
Столкнувшись, тебя я встретил!

Ветер хлестнул...
И чтобы никто
Не увидел рваной подкладки,
Полу старенького пальто
Придержал я рукой украдкой.

Возглас мой: «Вот так встреча! Ну,
Как дела, дружище?»
Печаль во взгляде.
«Отец и мама погибли в войну,
Теперь я с братишкой живу у дяди...»

Больше ты ничего не сказал.
Задумались,
Остановившись на месте.
«Школа... книжки... спортивный зал...
И любимые наши песни...»

Молчали,
А прошлого дни,
Друга друга держа за локоть,
Плыли, как уличные огни,
С вечерним людским потоком.

ХАДЗИМЭ САТО

ПУТЬ ЖИЗНИ

В начале
 длинного коридора,
Различима
 едва-едва,
Дверь темной,
 как совесть вора,
Камеры двадцать два.
Я, как преступник,
 брошен сюда
По воле
 предательского суда.
Смерть моя рядом,
 в камеру эту
Палач приведет ее
 к рассвету,
И плаха
 с друзьями меня разлучит,
Отнимет
 весенние звезды...

Прощайте,
журчащие в скалах ручьи
И свежий
горный воздух!
Мне так не хочется вас
Навсегда покидать сейчас!
Но я не сдаюсь,
не молю о пощаде.
Бороться —
путь жизни моей,
А жизнь
я отдам, если надо,
За мир
и свободу людей!

НОБОРУ ХОНДА

НАС ЖДУТ!

Ладошки
Протягивают малыши,
Как листья багряные
Кленов осенних...
Страшно,
Когда вокруг ни души,
А в камере видишь
Ладони на стенах!

Ручонки
Доверчиво тянутся к нам.
Все ждут нас, никак не дождутся!
Как горько
По нежным ребячьим щекам
Слезы недетские льются!..

Нас матери ждут
И стареют с тоски,
И, штопая тряпки,
Внучат утешают,

А горе
Белою прядью
Виски
Безвременно им украшает.

Ждут...
И жена, и отец, и брат,
Друг, и знакомый,
И просто люди.
Мы непременно
Вернемся назад,
Мы счастье свое
Непременно добудем!

Вернемся,
Наперекор судьбе,
К листьям багряным,
Зовущим властно,
И с новой надеждой —
К новой борьбе
За мир,
 за свободу,
 за счастье!

КЭНДЗО КАТО

СТРЕКОТ ОСЕННИХ ЦИКАД

Хотел я уснуть, но в осенние ночи
Не спится в темнице моей одиночной.
В окошко доносится пенье цикад.
Стрекочут цикады. О, как я им рад!

Чуть слышные раньше, чуть слышные летом,
Ко мне они мчатся, наверно, с приветом,
Наверно, они ободряют меня.
«Будь стойким и завтра!» — мне шепчут звеня.

Мы с жадностью ловим чудесные звуки.
Они согревают сердца нам и руки.
И мысли о казни уносятся прочь.
И в камерах смертников — день, а не ночь.

Но что это? В небе, пронзительно воя,
Летят истребители над головою,
Они заглушают напевы цикад
И гасят на прутьях железных закат.

О рев самолетов! Кровавый глашатай!
Ты нам угрожаешь смертельной расплатой —
За честность и стойкость, за песни, что мы,
Слагая, поем в казематах тюрьмы.

Тебе даже этого кажется мало —
Ты хочешь, чтоб всюду природа увяла!
Но разве отступим, сдадимся мы? Нет.
Над родиной встанет желанный рассвет!

Но вот замирает под черным покровом
Последнее эхо зловещего рева,
И мрак за решеткой бесстрастен и глух,
И снова в ночи напрягаю я слух,

И снова я слышу осеннюю ночью,
Как нежно и мирно цикады стрекочут.
Их песни звенят, и я слышу вдали:
«Боритесь за счастье японской земли!»

СИРОДЗИ САТО

ТВОРЧЕСТВО

Почерк —
Не самое главное в творчестве...
Пусть иероглифы
Так неразборчивы,
Так некрасивы —
И косы и кривы,—
Что трудно прочесть их,
Но если
Правда в строчках косых,
Но если
Строчки взывают к чести,
Что может быть прекраснее их?
Вот почему
Я снова и снова
На белом листке не оды —
Два слова пишу,
Всего два слова:
«Мира! Свободы!»

ТЮРЕМНЫЕ СТЕНЫ

Стены,
Тюремные стены
Сплошь,
Куда ни пойти,
Словно до неба
Стены
Выросли на пути...

О люди,
Живущие рядом,
Вокруг этой серой громады!
Неужели у вас
Не болит голова
От круженья,
Тоски и тревоги?..

У стены незнакомец.
Он ловит слова —
Он кого-то спросил о дороге.
«...Вот пойдете на север,

На той стороне
Часового увидите
В будке у входа,
А потом...»
А потом часовой
В тишине
Отвечает на тот же вопрос
Пешехода:
«...Это нужно идти по прямой,
А после — держите левее,
Ну, а там, как раз за тюрьмой,
Третий дом...»

«Левее», «правее» —
Люди ходят и месят грязь...
Люди ходят?
А стены, стены?
Разве стены могут упасть?
Люди лгут!
Никакой перемены...

Стены,
Сплошные стены,
Тюрьма,
Куда ни пойти.
Словно до неба

Стены
Выросли на пути.
Кружишь... кружишь...
И нет просвета...
Перепутались
стороны света.

ПЫЛАЮЩИЙ СНЕГ

Окно предо мною.
Окошко. Оконце.
В оконце на прутьях
Озябшее солнце
К стеклу прилепилось
Холодным лучом.
К лучу прислонился я
Левым плечом...

Но если я слева
Стою под окошком,
То с левого локтя,
Подобно сережкам,
Сосульки свисают —
Подарок зимы,
Как те —
На карнизах
Промерзшей тюрьмы.
А встану я справа,

То — в сумерках синий —
На правой руке
Собирается иней...

Окно предо мною.
Решетка. Стекло.
Пылающим снегом
Окно занесло.

АМИГАСА¹

В баню ведут — в амигаса,
Прогулка — вновь амигаса.
Осенью — амигаса,
Весной — опять амигаса.
И если товарища встречу порой
в коридоре —

Не вижу лица
В зловещем уборе.
Без конца
Между ним и мной — амигаса,
Опостылевшая амигаса,
Ненавистная амигаса.

¹ А м и г а с а — широкополая соломенная шляпа, доходящая до плеч; отверстия в ней напротив глаз, носа и рта затянуты густой сеткой. Такую шляпу надевали на голову арестанту, когда выводили его из камеры. В давние времена считалось, что амигаса скрывает опозоренное лицо грабителя или убийцы. В Японии до конца второй мировой войны ее надевали на политических заключенных.

О друг, что мечтает во время прогулки
сорвать с себя амигаса
и скомкать ее, швырнуть за ограду,
и увидеть, как будто в награду,

Небо,

предзимнее небо,
в котором снежинки порхают...

О друг, по соседству живущий
в обшарпанном закулке
заледеневшей тюрьмы безмолвной,

Чтоб услышать ты мог, я шепчу на прогулке
Монотонно, как шепчут волны:

«Звучите, громко звучите, шаги мои.

Громче, громче звучите
на осеннем ветру,
что рвется в окошко,—
вас слушает друг...

Звучите громче, шаги мои,

Громче, громче звучите...»

...Человек идет в амигаса,

Рядом — тень его в амигаса,

В амигаса,

что так похожа

на истрепанную рогожу,

Под которую в день морозный
укрывают вишневые ветки.

...О, если б увидеть я мог из клетки,
как ветра порыв,
разъярясь от гнева,
сорвет с него амигаса
и умчит,
навек угонит
в безбрежное
синее небо!

ОТПЕЧАТОК БОЛЬШОГО ПАЛЬЦА

Тюремщик

Запишет имя —

Я должен подпись под ним поставить,
отпечаток большого пальца,
липкого пальца.

И если на день три раза

Имя запишут,

Я трижды должен подпись поставить —
отпечаток большого пальца,

Молча, спокойно подпись поставить —
отпечаток большого пальца.

ЗИМНЕЕ НЕБО

Словно в пальто меховые
Горы оделись под вечер,
В воротники снеговые
Прячут озябшие плечи.
Буран застилает дороги,
И в тучах метельной пряжи
Тонут леса и отроги,
Тонут горные кряжи.
Карабкаюсь я на утесы,
Влево бреду и вправо
И вброд, обойдя откосы,
Штурмую Тикумагава.
Туда, сквозь снежную замять,
Спешу, не зная усталости,
Где в деревушке Тодзама
Коммуниста выбрали старостой.

Пусть ноги свинца тяжелее,—
Сердце поет неустанно!
Иду, ни о чем не жалея,

Под зимним небом Синано.
Так вой, метель,— мне не сбиться!
Неистовствуй — не обманешь!
Снег на очки садится
И тает, стекла туманя...

ТАКАКО АСИДА

* * *

Каждый раз, только грянет залп
Орудий, грохочущих грозно,—
Вздрагивают и опадают
Нежные темно-розовые
Лепестки цветущей мимозы.

* * *

Согнувшись под тяжестью ноши,
По узкой тропинке плетутся люди,
Стараясь представить, как выглядел берег
Когда-то —
Без грома орудий.

* * *

Даже в пути,
Когда завтрак несут отцам,
Так чисто по-детски
Они бранят
Американских солдат.

* * *

Мимо девочки
Вихрем промчался «джип»,—
И с пылью дорожной смешалась
Горстка песка,
Полетевшая вслед.

* * *

Здесь, у колючей проволоки,
Дети --- и те безмолвно
Стоят и стоят подолгу
С видом таким, как будто
Совсем говорить не могут.

* * *

Как неистов вихрь штормовой,
Солеными брызгами бьющий
В потемневшие от загара и пыли
Лица двухсот,
Что на взморье застыли!

* * *

Щиты ненавистные,
Знаки «Не смей!»,
«В зону вход воспрещен!».
Но рыбачки сидят под огнем,
Предпочитая смерть...

ВЕРШИНА ФУДЗИ

*Лишь выйду я из бухты Таго —
И молвить не могу ни слова...
О, как прекрасна
Наша Фудзи
В сиянье снежного покрова!*

(Из «Манъёсю»¹)

Вдруг такое случится: предки
Встанут из темных могил
И спросят у нас, потомков,
Полных здоровья и сил,
Все так ли красива, как прежде,
Фудзи в снежном венце
И чист ли, как прежде, дивный
Снег на ее лице,—
Что предкам тогда ответим?
Как скроем боль и позор?..

¹ Манъёсю — знаменитая антология японской поэзии VIII века; Наоки Усами приводит стихотворение поэта Ямаба Акахито, воспевающее вершину горы Фудзи.

Что сделаем с этой газетой?
В ней о войне разговор!
Как быть с накопившейся горечью,
Как скрыть разверзшийся ад —
И гусениц лязг, и топот
Американских солдат?
Мертвые ждут ответа.
Им пужно вернуть покой
И гордость вдохнуть в живущих...
Какой же ответ, какой?
Ответим:
«Сто миллионов
Клянутся предкам своим —
За Мёги¹ насмерть стояли
И Фудзи мы отстоим!»

¹ Мёги — гора в префектуре Гумма. Американская военщина, готовясь к новым авантюрам на Дальнем Востоке, пыталась использовать склоны Мёги для проведения маневров. Гневный протест и активная борьба местных жителей сорвали эти агрессивные планы.

С ЛЕНИНЫМ ВМЕСТЕ!

Я телом уставшим
ночь прорезаю.
Как сердце гигантское,
подо мною
Колеса стучат: «тук-тук, тук-тук...»
И лампочек искры
мчатся по следу,
Сверкая в полуночной мгле.
Я в Токио еду,
домой еду,
И радостно мне
не без повода.
Я в руках держу
раскрытую книгу
С красными буквами
«ЛЕНИН».
Читаю,
и хочется вдруг
вслух —

Громче сигнала
встречного поезда! —

Слова ленинские
прокричать

Всем пассажирам третьего класса:
*«Мир, хлеб, свободу —
народам!»*

Я в Токио еду,
домой еду,
И радостно мне
не без повода!

Я бросаюсь
в дремлющий город,
В сонную тишь вокзала,—
С Лениным вместе,
с Лениным вместе!

И повторяю
слова поэта —

Солнцу встающему,
людям идущим,

Улицам и домам:

«Ленин —

жил,

«Ленин —

жив,

«Ленин —

будет жить!»

«ОСЕННЯЯ ПЕСНЯ»

Есть ли в строках у него
дыхание осени?
Есть ли талант, наконец,
у поэта?
Пусть рассуждают они,
обрастая вопросами,—
Времени много у них
на это.
А у меня
и секунды нет
Послушать их спор
о высоких материях.
«Есть или нет?»
«Поэт, не поэт?»
«Оправдает ли он доверие?»
Жизнь ответит,
что более ценно,
Жизнью
вся фальшь
проверится.

Мои строки
 стремятся к цели,
Словно пули красноармейцев.
Вы,
 шумящие в спорах,
 поймите-ка,
Что вопрос решается просто:
У рабочих эстетика,
У рабочих политика —
Это
 кровные сестры!

ГРУСТНЫЕ ГЛАЗА

Почему так печален твой взгляд,
Почему,
Незнакомка в табачном киоске,—
Если вишни стоят
В розоватом дыму,
Если краски весенние броски?

Иль из «южных морей»¹
Не вернулся назад
Твой возлюбленный —
Юный солдат?
Или тяготы жизни,
Как в небе весны,
В твоём взгляде
Отражены?
Или вид автомата —

¹ «Южные моря» — так во время второй мировой войны называли в Японии район военных действий в Юго-Восточной Азии.

Как боль о былом,
Об израненном
Детстве твоём?

Кто мне скажет,
Так это или не так?
Кто мне скажет:
«Не мучься, чудак...»

Как печальны глаза!
Это птицы грустят,
Это грустные смотрят деревья,
И скорбят города и деревни,
Это родины нашей
Безрадостный взгляд.

А еще говорят,
Что мы «мир» обрели!¹
Где ж улыбка
«Свободной» земли?

¹ Автор имеет в виду японо-американский сепаратный мирный договор, заключенный в 1951 году, по которому Япония формально стала независимой.

ДЕТИ, ТРАВА, ЦВЕТЫ И УПРЯЖКА

На американском полигоне в Сомагара, у подножья горы Харунаяма, в префектуре Гумма, только по воскресеньям прекращаются стрельбы, и местным жителям разрешается входить в зону и собирать траву для кормов и стреляные гильзы.

Только наступит воскресный день,
Утро забрезжит чуть,
Дети впрягают в упряжку быка
И отправляются в путь.

В путь за травой, за цветами — туда,
Где всю неделю стон,
Где, отдыхая, их ждет сейчас
Харунаямы склон.

Красная линия... «Вход воспрещен!»
Листья вокруг черны,
Ветви поникли, — стволы в слезах,
Пулями иссечены.

В свежих воронках, как в ранах, земля,
«Джипами» смяты кусты.
Едут, омыты холодной росой,
Дети, трава и цветы...

Белые, желтые, красные — ах,
Как лепестки пестрят! —
Молча и грустно качаясь, плывут
В радуге двое ребят.

Взглядом я их провожаю, шепчу:
«Бык, ты везешь не всех!..
Может, посадишь в упряжку свою
Песню и звонкий смех?»

ЗИМНЕЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Он глаз не сводит с красных стен
кремлевских.

Он русской водкой горло жжет впервые.
В Большом театре, в залах Эрмитажа
Пленен богиней красоты — Венерой.
Но ждут дела, и снова он в дороге...
Порт в Копенгагене... Там сказки шепчет
Ему русалка медными губами.
Потом Париж... И слышит он, как Сена
Поет любимым голосом Монтана.
Но ждут дела, и снова он в дороге,
Хотя чаруют и влекут, как феи,
И лебеди на озере Женевском,
И Альпы снежные, а там, за ними,
И «вечный город» Рим, зовущий в гости.
Но он спешит, он снова в самолете...
Хоть в эту зиму и в России мокро,
Но путешественник промерз в дороге,
И даже над Египтом и Цейлоном
Не может он как следует согреться,

Пока вдали вдруг не мелькнет среди моря
Цепочка островов родной отчизны.
И станет душно от кипенья гнева —
Над оккупированной Окинавой.

«СКАЗАНИЕ О ЗЕМЛЕ СИБИРСКОЙ»

Ты не пришла... Февральский ветер выл,
И стыли иероглифы рекламы,
И о земле Сибирской новый фильм
Манил с афиш озябшими руками.

Ты не пришла... И лишь в моем ряду
Единственное место пустовало.
И я один отправился в Сибирь
Под звуки песен и под флагом алым.

Ты не пришла, а в зале пел рояль...
Аплодисменты с музыкой сливались.
И я заплакал от избытка чувств
К друзьям, что мне с экрана улыбались.

И МАДЗИ Я МАДА

МЫ СЛЫШИМ ТЕБЯ, АЛЖИР!

Алжир — в пылающей Африке,
Где спать с винтовкой приходится...
И все же он здесь, — я слышу! —
Он рядом со мной находится.
И если прислушаться чутко —
В ночи иль средь гула полднего, —
То можно легко услышать
Голос Алжира гневного.

Как будто включен транзистор¹,
Слова врываются бурей —
Алжир телеграммы читает,
От крови запекшейся бурей.
«Старый Алжир — это старая Франция...
Ныне Алжир — алжирский!
Алжирское — небо!
Алжирские — пальмы!
И люди — тоже алжирские!»

¹ Транзистор — малогабаритный приемник на полупроводниках.

Я знаю, Алжир, какой ты,
Хотя не встречались ни разу мы,—
По запаху масла машинного,
Которым все ружья смазаны!
По фотографиям, по газетам
Тебя представляю —
Бороды,
Винтовки, пески, лохмотья,
Глаза воспаленные, гордые...

Алжир телеграммы читает...
Под ухом —
Трещат пожарища,
Идут по пескам отважные,
Теряя в песках товарищей...
Алжир в пылающей Аффрике,
Где спать с винтовкой приходится,
И все же он здесь,— я слышу! —
Он рядом со мной находится.

СИГЭХАРУ НАКАНО

НАСТОЯЩИЕ ЛЮДИ

В честь двадцать пятой годовщины со дня основания Коммунистической партии Японии.

Я хочу рассказать о безвестных героях,
Чей подвиг нельзя описать стихами,
О героях, что партии были верны,—
С партийным билетом и без билета...

Те люди всем сердцем любили
сыновей своих, дочерей своих.
Они верили: правы дети,
Верили всей душой,
Хотя и не знали мудреной теории.

...Мать слушала страшный рассказ,
Как пытали дочь ее
лишь за то,
Что была она дочерью коммуниста.

Матери с горя седели до срока,
До срока сходили в могилу.
Пусть уже нет в живых
многих из тех людей —
До последней минуты, до последнего
вздоха
Они крепко любили детей своих,
партию их!

Какие же свечи для них зажечь?
Какую дань уваженья воздать им?
Как ветер
Не хвастается никогда,
Что выращивает горох,
Как вода
Не жаждет признанья заслуги,
Что по ней плывут корабли,—
Те люди не ждали, что им воздадут
За преданность почести неземные.
Какой же водой окропить их могилы?
Каких букетов жасмина нарвать?

Я верю,
Те люди с нами сейчас,
Здесь, на празднике нашем.
Прислушайтесь! —
Слышите их голоса?

«Товарищи!
Мы не напрасно слезы свои проливали.
Радость наша огромна,
Хотя коммунистами не были мы,
Больше, чем ваша радость,
Потому что мы матери ваши –
Матери коммунистов!»

КАЙКО МАЦУДА

РАДИОВОЛНЫ

Мчатся радиоволны,
Мчатся во все закоулки.
Эфир до краев переполнен
Эхом радости гулким...

Встает пред глазами площадь
Осенью,
Что принесла вдруг
Иней вместо росы ей,—
Ветер знамена полощет,
Ликует народ России!
Радиоволны мчатся
В небо цвета индиго —
В октябрьский день
В семнадцатом
Сброшено царское иго...

Ослепительно ярко —
И там и здесь —

Октябрьское солнце
Светит с небес.
Вселенная смотрит
На шар земной,
А шар земной
Глядит на Вселенную.
Японский народ
И в стужу и в зной
Базу видит военную.
Базу с американским клеймом,
Со всеми ее атрибутами,
С колючей проволокой кругом,
С поденщиками необутыми...

Радиоволны поют в эфире.
Но что это? В радостный миг,
Услышанный в целом мире,
Ворвался предсмертный крик...

«...Сегодня
В Гумма¹
Американцем Джирардом
Из автомата
В упор
Убита крестьянка...»

¹ Г у м м а — название префектуры в Японии, где близ военной базы американский сержант застрелил собиравшую гильзы старуху японку.

Убита...
Погасший взор...
Стали цветы
Багровой
От капель пролитой крови.
О, этот стон предсмертный,
Пронзивший сердце народа,
Как радиоволны пронзают
Воздух, синь небосвода!

...Время настанет,
И мы
Во Вселенную
Мысль запустим нетленную:
Наш — из Японии —
Спутник Земли,
И стон этот, стон народа,
Чтоб все услышать могли,
Мы в нем отправим,
Чтоб год от года
Мчались его сигналы
О тех, кого убивают,
Кого насильно согнали,
С полей, где бомбы взрывают,
Кого обрекают на голод,
На муки и унижение —
Спутник будет глаголить,

В вечном своем кружении...

Бип!

Бип!

Бип!

Мчатся радиоволны...

Бип!

Бип!

Бип!

Стоном эфир наполнен.

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

ЗЕМЛЯ СУНАГАВЫ

МОЛЧАНЬЕ

О люди, смотрите, смотрите!
Мы топчем ногами посевы,
Мы топчем, словно слепые,
Землю, чья каждая грядка
Пропитана потом нашим,
Землю, что наши предки
Возделывали любовно,
Пока не пришли чужеземцы...
Мы топчем теперь эту землю,
Мы топчем свои посевы,
За нами ползет чудовище,
Вгрызаясь в землю,— бульдозер.

Мы топчем колосья риса,
Как будто детей своих топчем,
Но, люди, вокруг взгляните —

Медленно, как на параде,
Янки на «джипах» едут,
На нас направлены дула
Победивших нас пулеметов...

Что ж вы молчите, люди?

ГРОМКАЯ ПЕСНЬ

Слушайте все! Слушайте все!
В сумерках, в дождь, разбойно
Свершилось черное дело,
Свершилось грязное дело —
С поля, родного поля
Согнана вся деревня!
Слушайте все! Слушайте все!
И вы, чиновники-землемеры,
И тот, кто за вашими спинами
Прячется, гнусный предатель!
Сегодня мы не слепые,
Сегодня мы не растопчем
Колосья нежные риса,
Сегодня мы не уступим
Священную землю предков!
Грозную волю к победе,
Сплотившую нас воедино,

Не смогут сломить пулеметы —
Пусть прочь убираются янки!—
И пули и танки не сломят,
И даже — даже любые
Их водородные бомбы!
Пламя нашего гнева
Ничто погасить не в силах!
К нам боевая стойкость
Пришла из глубин столетий,
От дедов и прадедов наших,
Чьим потом, слезами и кровью
Сдобрено это поле.
Матери всех поколений
Холили эту землю,
Согнувшись, срывали с грядок
Каждую сорную травку...
Грозная воля к победе
Сплотила всех воедино,—
Мы отстоим нашу землю,
Грудью поля укроем.
Это и есть настоящий
Патриотизм!

НАШ РОЖДЕСТВЕНСКИЙ ПОДАРОК

«В ночь на рождество 25 декабря 1961 года автор этого стихотворения принимал участие в демонстрации протеста против прибытия в порт Кобэ авианосца «Йорк-таун» и других кораблей 7-го флота США.»

Газета «Акахата»

Наверно, вот так же идут на фронт
Защитники революции...
Пламя в глазах, и грозно сердца
В едином порыве бьются.
Суровые лица... Чеканный шаг...
Полотнища реют ало...
И ветер, как клятву, разносит слова
«Интернационала».

...Дыханье морозное. Город спит.
Идем, сокрушая преграды,
Меж призраков и привидений ночных —
Огромных портовых складов.

Асфальт, словно лед, подошвы жжет.
Но вот в тупике сверкает,
Как будто гигантский универмаг,
Авианосец «Йорк-таун».

Стоит, подбоченясь, незванный гость,
Якорь надменно бросив.
Во тьме чуть заметно мерцает сталь
Автоматов в руках матросов...
И гнев, как бомба, взрывает порт!
«Янки, вон из Японии!» —
Шквал голосов над морем гремит
И разлетается по небу.

Наш репродуктор ведет огонь
По ним, стерегущим лестницы:
«Эй, пришельцы, делите на всех
Наш подарок рождественский
(На вашем, английском, чтоб лучше
поняли!)

От японцев в рабочей робе:
«Янки, вон из Японии!
Вон, «Йорк-таун», из Кобэ!»

ОКИНАВА

Посвящается прогрессивному политическому деятелю Сэнага, который, вопреки нажиму американской военщины и местных японских реакционеров, одержал победу на выборах мэра города Наха, столицы острова Окинава.

Остров
Напоминает букет
Распустившихся в море цветов.
Букет
По лугам и полям
Нежной рукой разбросан.
На острове
Море цветущих садов.
На террасах полей созревает просо.
Волны морские
Со всех сторон
Стремятся на остров потоком вешним.
Изумрудными нитями
Связан он
С миром,
Который зовется внешним.

Там,
Далеко от острова,
Волны уходят во тьму —
Тучи над островом стелются
И угрожают бурей ему,
Страданиями и горем.
Буря
Высушит белый букет,
Что цветами
По острову нежно разбросан,
Поломает деревья,
Погасит рассвет,
Уничтожит созревшее просо.
О позор,
Порождающий яростный гнев!
О гнев,
Порождающий сопротивление!
В бурю
Белый букет, уцелев,
Славит, славит рождение...
В белых,
Как пена морская,
Цветах
Рождается
 красота земная,
А на террасах —
В горных полях —

Сопротивленье,
 страха не зная!
По острову
С грохотом мчится вперед
Телега крестьянская
По ухабам.
Движет ее не лошадь,
А гнет,
Дающий оружие
 и веру слабым.
С грохотом,
 скрежетом
С запада на восток
Мчится телега по острову,
Мчится...
Никто бы теперь не смог
С болью сживаться острою!
Пыль клубится...
Конца нет пути.
Горы,
 поля,
 прибрежная линия.
Гнев,
Разжигая огонь в груди,
Прорвется —
 и выкипит
 море синее!

Лепестки,
Что были, как снег, белы,
Стали от ярости
красного цвета,
И даже
На соснах
капли смолы
На черный свой цвет
Наложили вето.
Мчится телега
Вперед,
вперед,
С запада на восток,
Проливая
Красную кровь на песок,
красную кровь на песок.
Скоро
Схлынет бурный прилив,
Волны
Соседний остров омоют
Красотою белых цветов,
Окрылив
На борьбу зовущим прибоем.
Другой островок...
Еще один —
Каждый залитый кровью остров!
О песок,

Кровавый до самых глубин!
О песок...
Радугой пестрой
В тебе —
Все оттенки приборев
И красота извечная волн,
Сопротивление волн.
Вот почему
Так трогает ты,
Так сильно волнуешь
Море людское —
Столько в тебе
Земной красоты,
Что каждый,
 ахнув,
Глаза раскроет!
...Волны морские
Со всех сторон
Набегают на остров
 потоком внешним.
Изумрудными нитями
Связан он
С миром,
Который зовется
 внешним.

ХПРОМИЦУ ОСИМА

ДВЕСТИ ПЯТЬДЕСЯТ...¹

О, как дорог мне дивный пейзаж:
Фудзияма в блеске
Снежной короны,
Утопающие в облаках
Ее священные склоны...
Как прекрасен древний пейзаж!
Но один только свежий мазок,
И картина... убита
Металлической краской:
Орудийным жерлом клеймен
Лик Фудзиямы ясный!

...Ты под стражей, родная гора,
А вдали —
Под арестом моя Окинава...
Ивакүни, Ацүги, Итадзукó,
Ниидзүима, Екбеука, Татикава...

¹ Двести пятьдесят — число американских военных баз на территории Японии на январь 1962 года.

Их не счесть, обесчещенных мест,
Оскверненных земель...
Мисáва, Комáки, Ёкóта,
Согня, другая, еще пятьдесят...

Я считаю и слышу стон —
Это пули шальные
Свистят на пашнях.
Я считаю и слышу плач
Дочерей опозоренных наших.
Я считаю раны твои,
О Япония,
Раненная Пентагоном.
И врезается крыльями атомовоз
В небо, ставшее полигоном.

Под прицелом держат всех нас
Орудийные жерла —
И тебя, Фудзияма,
И братьев наших из СССР,
Из Китая, Кореи, Вьетнама.

Я считаю... В синий залив
Словно виааны
Черные авианосцы:
Водородная смерть — на борту,
А в порту — знаменосцы.

Над колоннами огненный вихрь —
Это партии нашей
Горят знамена,
И, равняясь на них, как в бой,
За колонной идет колонна.

Громыкает гнева прибой...
«Хотим,
Чтобы землю янки вернули!» —
Хлещет в лицо врагу,
Застоявшемуся в карауле.
Я считаю... Тесней ряды!
Я иду —
Отвоевывать мир для планеты.
Сотня, другая, еще пятьдесят...
«Базы — долой!»,
«Вон ракеты!»

люди, тесней ряды!

Время борьбы настало —
Люди, тесней ряды!
Руками рабочими родину
Вызволим из беды!

Долой правительство Киси¹,
Предателей всех долой,
Кто, в бойню ввергнув Японию,
Ныне торгует страной!

Братья, друзья, товарищи —
Люди, вперед, вперед,
Пока не вернет себе родину
Наш трудовой народ!

¹ Непопулярное правительство Киси пало под нажимом народных масс летом 1960 года, в разгар охватившего всю страну движения протеста против пересмотра ненавистного японо-американского «договора безопасности». Новый проект договора, который пытались протащить через парламент правящие круги Японии, предусматривал усиление милитаризации страны в угоду американским империалистам.

Все, чьи руки в мозолях, —
Люди, ряды тесней!
До полной победы, рабочий,
Врага беспощадно бей!

Любящие отчизну,
Будьте в одном строю,
Пока от предателей землю
Мы не очистим свою!

Время единства настало —
Люди, на бой, на бой!
В наших руках вся сила!
Слово, народ, за тобой!

ХАДЗИМЭ КОБАЯСИ

ТОКИО — МОСКВА

Зеленеют родные просторы,
Синева небосвода ясна.
Это с севера к нам из-за моря
Прилетела, как песня, весна.

Над странкою звучат, словно клятва, слова:
Мы за дружбу и мир!
Мы за дружбу и мир!
Наш горячий призыв облетает весь мир.
С нами Токио,
С нами Москва!

Быстрых птиц перелетная стая
Над полями встречает рассвет.
Из далекого русского края
Нам весна посылает привет.

О надежде, о счастье поют острова:
Мы за дружбу и мир!
Мы за дружбу и мир!

Наш горячий призыв облетает весь мир.
С нами Токио,
С нами Москва!

Разгорается пламенем жарким
Наша песня о дружбе столиц,
В небе Азии солнечно-ярком
Эта песня не знает границ.

Над землю звучат, словно клятва, слова:
Мы за дружбу и мир!
Мы за дружбу и мир!
Наш горячий призыв облетает весь мир.
С нами Токио,
С нами Москва!

ДОЛОЙ ВОДОРОДНУЮ БОМБУ!

Встань, молодежь отчизны родной:
Небо грозит нам страшной бедой,
Дождь смертоносный сушит листву,
Падает пепел в озер синеву...

Эй, молодежь,
Громче взывай:
«Водородную бомбу долой!»
С нами весь мир!
С гор и с полей
Мчится призыв боевой.

Гриб водородный пробил небосвод,
В тучах над морем Японским плывет.
Падают черные капли дождя,
Падают капли, живых не щадя.

Эй, молодежь,
Громче взывай:
«Водородную бомбу долой!»

Прочь палачей,
Сеющих смерть
Всюду над нашей землей!

Встань, молодежь, на защиту земли,
Чтоб, колыхаясь, колосья цвели.
Грудью своей защити города,
В битве с тобою отступит беда!

Эй, молодежь,
Громче зывай:
«Водородную бомбу долой!»
Наши друзья
В каждой стране
Слышат призыв боевой!

СПРАВКА ОБ АВТОРАХ

Тамики Хара (1917—1951) — известный японский поэт, житель Хиросимы, очевидец атомной бомбардировки города; автор «Сборника стихов Тамики Хара» и книги «Летний цветок», получившей высшую литературную премию — премию Акутагава, присуждаемую в Японии дважды в год за удачный литературный дебют начинающим литераторам. Своим творчеством Тамики Хара отстаивал дело мира, боролся против подготовки новой мировой войны; в 1951 году покончил с собой в знак протеста против гонки вооружений.

Стихотворение «Дайте воды!» опубликовано в книге «Летний цветок». Книга рассказывает о Хиросиме и посвящена жене поэта, погибшей при атомном взрыве.

Санкити Тогэ (1917—1953) — известный поэт, житель Хиросимы, признанный руководитель молодых литераторов пострадавшего города; с 1946 года — председатель прогрессивного «Объединения сторонников молодой культуры» («Сэйэн бунка рэммэй»). Санкити Тогэ — автор знаменитой «Пес-

ни гнева», созданной в честь сталелитейщиков завода «Ниппон», прославившихся героической стачкой. Плакаты с текстом этой песни расклеивались на заборах и стенах домов Хиросимы.

Стихотворение «Рассвет» опубликовано в сборнике Тога «Стихи об атомной бомбе».

Сосюн Фукагава — житель Хиросимы, один из авторов поэтического сборника «Хиросима поет», изданного в Японии в 1961 году. Участники сборника — очевидцы атомной бомбардировки города. Стихотворение Фукагава «Руки тянутся ввысь» помещено в этом сборнике.

Кисиро Танака — житель Хиросимы; его стихотворения «Холм» и «Закат» опубликованы в сборнике «Хиросима поет».

Таканори Симидзу — житель Хиросимы, один из авторов поэтического сборника «Песни Хиросимы», вышедшего в издательстве «Бункахёрон» в 1955 году в связи с десятилетием со дня трагедии Хиросимы. Составитель сборника профессор Мияо Охара пишет в предисловии к нему: «Не будет преувеличением сказать, что подавляющее большинство граждан Хиросимы испытывает отвращение от одного слова «война», не говоря уже об атомной

и водородной бомбах...» Эпиграфом к сборнику взяты слова великого Данте:

Вы созданы не для животной доли,
Но к доблести и к знанью рождены!..

В эпилоге к «Песням Хиросимы» выражается надежда, что «эти песни найдут друзей за границей» и будут служить делу укрепления мира во всем мире.

Среди других произведений в сборнике помещены стихотворения Симидзу «Людям всего мира» и «Жизнь».

Сёсукэ Сима — житель Хиросимы. Его стихотворение «Плывущий букет» опубликовано в сборнике «Песни Хиросимы».

Мияо Охара — поэт и ученый, житель Хиросимы, составитель и автор предисловия к сборнику «Песни Хиросимы», в который вошло и его стихотворение «Цветок атомной бомбы».

Камэтаро Танака, Митигака Ямада, Хирохидэ Цунода, Синъити Мацунага — жители Хиросимы, очевидцы атомной бомбардировки города, принявшие участие в создании сборника «Песни Хиросимы».

Эйсаку Ёнэда (род. в 1903 г.) — один из старейших поэтов — жителей Хиросимы; лишился семьи во время атомной бомбардировки города. Основное направление его творчества в послевоенные годы — борьба за мир. Произведения Ёнэда пронизаны скорбью о бесчисленных жертвах атомной бомбы и в то же время глубокой надеждой, что «Хиросима никогда не станет вновь подопытным кроликом для ядерных экспериментов». Во многих своих стихах поэт обращается к реке Ота, которая, протекая через его родной город, семью руками впадает в море. Поэт славит ее голубые, вечно живые воды — они видели смерть, но жизнь бессмертна! «Будь прекрасной, река, навеки!» — так назвал Ёнэда свой поэтический сборник, вышедший в 1952 году. К десятилетию со дня уничтожения Хиросимы, в 1955 году вышла вторая послевоенная книга стихов поэта — «Песни о будущем», посвященная «всем, кто погиб, всем, кто выжил».

Эйсаку Ёнэда — составитель ряда книг о Хиросиме, автор предисловий ко многим поэтическим сборникам. Творчество поэта популярно среди его соотечественников и высоко оценивается литературной критикой Японии.

Садако Курихара — поэтесса из Хиросимы; пережила атомную бомбардировку города. Впервые

ее стихи опубликованы в сборнике «Культура Тюгоку» в 1946 году (Тюгоку — название административного района, центром которого является город Хиросима). Творчество Курихара отличается острой антивоенной направленностью. Публикуемые стихи вошли в сборник поэтессы «Я свидетельствую о Хиросиме». Стихотворение «Дерево» посвящено V Международной конференции за запрещение атомного и водородного оружия, проходившей в Токио, Хиросиме и Нагасаки в августе 1959 года.

Сумако Фукуда — уроженка города Нагасаки. Пережила атомный взрыв 9 августа 1945 года, длительное время провела в больнице, прикованная к койке «лучевой» болезнью. Однажды из окна, там, где простиралась «атомная пустыня», она увидела зрелище, которое потрясло ее и заставило взяться за перо. Тысячи борцов за мир заполнили центр Нагасаки в день десятилетия со дня гибели города. Сумако Фукуда сбросила путы отчаяния и пессимизма. Она нашла свой путь в жизни: отныне борьба за мир стала неотъемлемой частью ее существования.

Первые стихи Сумако Фукуда появились в газете «Асахи». Поэтесса воскрешает в памяти гибель Нагасаки, пишет о прошлом, чтобы никогда

не омрачилось будущее. Стихотворения «Снег» и «Песня любви к матери» взяты из ее книги «Атомная пустыня», вышедшей в Токио в 1958 году.

Фумико Накано — молодая японская поэтесса, выступившая со стихами в сборнике «Улыбка во мраке», изданном членами «Объединения поэтов «Лева» («Ёган»).

Стихотворение Накано «Скорбь» посвящено памяти Айкити Кубояма — радиста рыболовного судна «Счастливый дракон» («Фукурю-мару»). Экипаж судна стал жертвой преступного эксперимента американской военщины, взорвавшей 1 марта 1954 года водородную бомбу вблизи атолла Бикини в Тихом океане. Рыбаки, находившиеся вдали от «запретной зоны», были засыпаны смертоносным радиоактивным пеплом. Пострадали все члены экипажа. Айкити Кубояма после нечеловеческих страданий, длившихся полгода, скончался от «лучевой» болезни. Смерть Кубояма глубоко взволновала миллионы японцев, в памяти которых свежи бесчисленные жертвы Хиросимы и Нагасаки.

Тосабуро Оно (род. в 1903 г.) — псевдоним прогрессивного и популярного в Японии поэта Сабуро Фудзи. Принадлежит к старшему поколению японских писателей. Автор поэтических сборников

«Осака» (1939), «Пейзажи» (1943), «На берегу океана» (1947), «Фудзи» (1956) и других. Стихотворение «Мания коллекционирования новых слов» опубликовано в журнале «Синнихон бунгаку» в 1957 году.

Хироси Нома — выдающийся современный прогрессивный писатель и поэт, произведения которого известны за пределами Японии. Советские читатели хорошо знают его антивоенный роман «Зона пустоты», переведенный на многие языки мира.

Хироси Нома — активный борец за мир и дружбу между народами, искренний друг советских людей; неоднократно бывал в Советском Союзе, участвовал в работе конференции писателей стран Азии и Африки в Ташкенте осенью 1957 года.

Стихотворения «Сигнал» и «Мой Токио», написанные в первые послевоенные годы, опубликованы в «Сборнике стихов Хироси Нома» (1953).

Сигэдзи Цубои (род. в 1898 г.) — старейший японский поэт-коммунист, член «Общества литературы новой Японии» («Синнихон бунгакукай»), ветеран «пролетарского литературного движения» 20—30-х годов.

Перу Сигэдзи Цубои принадлежат сборники стихов — «Плоды» (1946), «Глаза войны» (1952),

«Воздушный шар» (1957), а также теоретические работы, посвященные проблемам японской поэзии: «Дух сопротивления» (1949), «Введение в современную поэзию» (1951) и другие. На страницах газеты «Акахата» систематически появляются статьи Цубои о творчестве молодых литераторов.

В своих произведениях поэт отражает интересы трудящихся, их искреннее стремление к миру. Духом сопротивления войне проникнуто все многогранное творчество поэта.

Публикуемые произведения вошли в «Сборник стихов Сигэдзи Цубои», изданный в Киото в 1952 году.

Тосико Икута — молодая поэтесса, жительница японского города Фукуи. Потеряв в годы войны отца, оставшаяся сиротой, она, подобно миллионам других женщин Японии, борется за то, чтобы трагедия Хиросимы не повторилась. Стихотворение «Марш мира» опубликовано в журнале «Синнихон бунгаку».

Кадзуо Накасино, Коити Осэки — молодые поэты-кружковцы, участники сборника «Песни мира», изданного в Токио в 1951 году. В послевоенной Японии невиданного размаха достигло литературное творчество масс. Сстни литературно-по-

этических кружков и объединений, так называемых «сакуру», возникли во многих городах страны. Участники «сакуру» — простые люди Японии, в основном молодежь, ищущая путей в жизни, не желающая мириться с зависимостью своей родины от американского империализма. В 1951 году «Общество литературы новой Японии» обобщило работу кружков, опубликовав избранные стихотворения народных поэтов. Так появились два сборника «Песни мира» (1951 и 1953), выпущенные издательством «Голубь мира» («Хэйва-но хато») в Токио.

Осаму Киёдзава, Минору Ямамото, Одагири Киёмицу — участники антивоенного сборника «Стихи японских студентов», изданного в 1953 году в Токио по инициативе прогрессивной литературной общественности. В книгу вошли лучшие из трех тысяч стихотворений, написанных студентами из всех уголков Японии. В подготовке издания принимал участие известный прогрессивный поэт Токудзо Сакаи.

Японские студенты — активные участники борьбы своего народа за национальную независимость, мир и демократию. Сами названия циклов, в которые объединены в сборнике их произведения, дают представление о характере и направленности студенческой поэзии: «За светлое буду-

щее», «Мир во имя мира», «Хватит войны!», «Тот день невозможно забыть», «Друзьям, не вернувшимся с войны», «Борющийся Киото».

Хадзимэ Сато, Нобору Хонда, Кэндзо Каго, Сиродзи Сато — японские патриоты, активисты профсоюзного и коммунистического движения из числа двадцати рабочих, ложно обвиненных по «делу Мацукава» в 1949 году; участники изданного в Токио в 1951 году сборника «Песни к 80 миллионам братьев» (численность населения Японии в то время составляла немногим более восьмидесяти миллионов человек).

В августе 1949 года на северо-востоке страны, близ станции Мацукава, сошел с рельсов поезд. Погибло три человека. Катастрофа, трагическая сама по себе, породила еще более трагические события. В канун кровавой интервенции США в Корею японо-американская реакция решила воспользоваться грубой провокацией, чтобы расправиться с прогрессивными силами страны, выступавшими против военных приготовлений на Дальнем Востоке. Виновниками крушения поезда объявили «коммунистов». Был организован позорный в истории судопроизводства процесс по «делу Мацукава». Перед судом предстали люди, не имевшие никакого отношения к катастрофе близ Мацукава.

Оперируя сфабрикованными фальшивками, японские власти осудили арестованных на смертную казнь, пожизненную каторгу, на разные сроки заключения в тюрьме. Осужденные обжаловали несправедливый приговор. В тюремных застенках они не опустили рук, не прекратили благородную борьбу, которую вели на свободе, находя для нее иные формы. Для некоторых оружием стала поэзия. Стихотворения, написанные в тюрьме, пересылались на волю, печатались в демократических газетах и журналах. Из этих, отобранных поэтами Хироси Нома и Токудзо Сакаи произведений составлена книга «Песен к 80 миллионам братьев». Подзаголовок на титульном листе гласит: «Поэтический сборник, в котором обвиняемые по «делу Мацукава» рассказывают правду». Появление книги было вызовом реакционным кругам страны, пристегнувшим Японию к атомной колеснице США.

Только 10 августа 1959 года Верховный суд Японии отменил решение низшей судебной инстанции. С этого времени прошло еще два года, прежде чем последние обвиняемые по «делу Мацукава» вышли на свободу из камер смертников. Освобождение невиновных явилось крупной победой рабочего класса и всех прогрессивных сил Японии.

Прошло несколько лет, и вокруг пресловутого «дела Мацукава» снова поднялся шум: у прокуратуры появились якобы «новые доказательства» виновности бывших узников Сэндайской тюрьмы; в феврале 1963 года они снова оказались в зале суда... Провокация продолжалась. И все-таки правда победила: полгода спустя, в сентябре, «дело» было окончательно прекращено.

Хадзимэ Сато дважды (в низшей и высшей судебных инстанциях) был приговорен к смертной казни; провел десять лет в одиночной камере смертников. Прикованный к койке туберкулезом, Хадзимэ Сато нашел в себе силы создать страстную повесть «Приговоренные», рассказав в ней правду о «деле Мацукава». Книга получила известность не только в Японии, но и за ее пределами; в 1961 году повесть вышла в Советском Союзе.

Нобору Хонда дважды приговаривался к смертной казни, треть своей жизни провел в камере смертников. Ни пытки, ни голод, ни одиночество не сломили мужества патриота. Писать стихи начал в тюрьме. Стихотворение «Нас ждут!» — отрывок из его поэмы «Солнце в небе светит!».

Кэндзо Каго судом первой инстанции был приговорен к двенадцати годам каторжных работ, вто-

рым судом — к десяти годам. После нескольких лет тюремного заключения был выпущен на поруки.

Сиродзи Саго дважды был приговорен к каторжным работам сроком на десять лет. После нескольких лет, проведенных в тюрьме, выпущен на поруки.

Хироси Нуяма (псевдоним Рюдзи Нисидзава) родился в 1903 году. Известный писатель и поэт-антифашист, в 30-е годы он был арестован властями милитаристской Японии за антивоенную и коммунистическую деятельность. Провел в одиночной камере со строгим режимом около двенадцати лет. Вышел из тюрьмы в 1945 году, после капитуляции Японии.

В послевоенные годы Хироси Нуяма — видный политический и общественный деятель, член ЦК Коммунистической партии Японии. Его перу принадлежит несколько книг в стихах и прозе. Наибольшей известностью пользуется «Амигаса» («Соломенная шляпа») — сборник стихов, созданных в тюрьме. Узнику не разрешалось пользоваться ни карандашом, ни бумагой. Сочиняя стихи, он держал их в своей памяти. Поэт посвятил сборник одному из вождей японской компартии Кюити Токуда. Послевоенные стихи Хироси Нуяма собраны

в сборнике «Во имя создания прекрасного общества». Из пяти стихотворений поэта, включенных в книгу «Песни Хиросимы», первые четыре опубликованы в сборнике «Амигаса», пятое — в сборнике «Во имя создания прекрасного общества».

Такако Асида (род. в 1907 г.) — известная японская поэтесса демократического направления. В 1930 году окончила женский литературный институт в Осака, преподавала в женской школе. В послевоенные годы вступила на литературное поприще; пишет в традиционном жанре «танка». Одновременно активно участвует в общественно-политической жизни страны. С 1959 года Такако Асида — заместитель председателя правления «Общества дружбы женщин Японии и СССР» («Ниссо фудзин конвакай»). В ноябре 1961 года посетила Советский Союз в составе Всеяпонской женской делегации деятелей культуры.

Основная тема первого поэтического сборника «Рюхи» (1951) — судьба японской женщины; второй сборник — «Утинада» (1954) — о героической борьбе рыбаков и крестьян отдаленной приморской деревушки Утинады, объявивших сидячую забастовку в знак протеста против отторжения их земель под американскую военную базу. Известна также книга лирических стихов поэтессы «Север-

ная страна» (1959). Публикуемые произведения Такако Асида вошли в сборник «Утинада».

Наоки Усами (род. в 1928 г.) — поэт, переводчик, профсоюзный деятель. Окончил Токийский университет, работал учителем, журналистом, переводчиком, владеет русским и китайским языками. Выступает за мир, за ликвидацию американских военных баз на территории Японии, за укрепление дружеских связей между японским и советским народами. Значительное место в творчестве поэта занимает антивоенная тема.

Наоки Усами — автор двух поэтических сборников, объединенных одним названием «Движение» (части первая и вторая). Поэт издал их сам с помощью множительного аппарата. Подобный способ издания книг довольно распространен в Японии, особенно среди молодых литераторов, которым по тем или иным причинам нелегко пробиться в издательства. Название сборников Усами глубоко символично: оно означает, по словам поэта, движение мира вперед, к коммунистическому будущему. Известны переводы поэта произведений Маяковского (поэма «Владимир Ильич Ленин»), Твардовского, Симонова, Межелайтиса.

В 1962 году Наоки Усами побывал в Советском Союзе.

Имадзи Ямада — известный поэт-коммунист, портовый грузчик города Йокогама; стихи начал писать задолго до второй мировой войны.

Основная тема творчества поэта — жизнь рабочего класса Японии. В последние годы часто выступает со стихами о мире, о пролетарском интернационализме. Стихотворение «Мы слышим тебя, Алжир!», опубликованное в прогрессивном журнале «Синнихон бунгаку», посвящено героической борьбе алжирского народа, который в то время, когда были написаны эти строки, боролся с оружием в руках за свободу и независимость.

Сигэхару Накано (род. в 1902 г.) — известный поэт, прозаик, литературный критик; автор пятнадцатитомного собрания сочинений; ветеран пролетарского литературного движения 20—30-х годов, видный деятель Коммунистической партии Японии.

В 1927 году вместе с писателем Ватару Кадзи организовал журнал «Пролетарское искусство» («Пурорэтэриа гэйдзюцу»). В следующем году участвовал в создании Всеяпонской федерации пролетарского искусства (НАПФ).

В 1932 году был арестован властями как один из руководителей только что созданной японской «Лиги пролетарской культуры» («Нихон пурорэтэриа бунка рэммэй»); в 1937 году Сигэхару Накано

было запрещено заниматься писательской деятельностью.

В послевоенные годы писатель активно участвует в учреждении прогрессивного объединения литераторов «Синнихон бунгакукай» («Общество литературы новой Японии»).

Стихотворение «Настоящие люди» опубликовано в «Сборнике стихов Сигэхару Накано».

Кайко Мацуда — известная поэтесса, коммунистка; писать начала еще до второй мировой войны. Работая в молодости на шахте, написала повесть из жизни шахтеров «Люди под землей». С поэтическими произведениями выступает на страницах газеты «Акахата», органе Коммунистической партии Японии. Автор стихотворного сборника (1960), отразившего протест японского народа против ненавистного японо-американского «договора безопасности», против произвола американской военщины. Поэзию Кайко Мацуда отличает темперамент, гражданский пафос и политическая целенаправленность.

Неизвестный автор. — Стихи под названием «Земля Сунагавы» — читательское письмо, опубликованное в газете «Акахата». Автор письма-стихотворения пожелал остаться неизвестным, подпи-

савшись псевдонимом «Учитель». В предисловии к стихам поэт повествует о грубых актах насилия и произвола, учиненных американской военщиной над мирными крестьянами японской деревни Сунагава. Оккупанты заняли их землю под военный полигон. «Чувства, кипевшие в душе, я попытался выразить в строках этого стихотворения», — заключает автор и рисует картину насильственного отторжения крестьянских земель в начале американского хозяйничания в Японии («Молчанье») и несколько лет спустя, когда жители Сунагавы дали достойный отпор захватчикам и их японским приспешникам («Громкая песнь»).

Синдзи Накамура — молодой поэт, выступивший против произвола американской военщины на японской земле.

Кёсукэ Симадзу — автор стихотворения «Окинава», опубликованного в газете «Акахата». Это произведение — отклик гражданина и патриота на события, описанные в предисловии к стихам.

Остров Окинава, отнятый у Японии Соединенными Штатами, превращен в крупнейшую военную базу американского империализма на Дальнем Востоке, оснащенную ракетно-ядерным оружием. Сами американцы называют остров «непотопляе-

мым авианосцем». На острове установлен жестокий оккупационный режим. Однако местные жители ведут мужественную борьбу за воссоединение с родиной. В этой борьбе на их стороне горячее сочувствие и поддержка всего народа Японии.

Хиромицу Осима — один из старейших писателей Японии, коммунист, известен как переводчик французской литературы и, в частности, поэзии Луи Арагона.

Стихотворение «Двести пятьдесят...» опубликовано в газете «Акахата» 1 января 1962 года. Рядом со стихами в номере помещен снимок с изображением жерла американского орудия на фоне белоснежной вершины Фудзиямы. На склонах этой священной для каждого японца горы американские войска проводят свои маневры.

Масаки Имамура — молодой поэт-коммунист, участник Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Хельсинки летом 1962 года; автор двух поэтических сборников, изданных им при помощи множительного аппарата. В своем творчестве выступает за мир и дружбу между народами, активно отстаивает интересы рабочего класса Японии. Многие стихи поэта посвящены актуальным проблемам внутривнутриполитического положения страны.

Хадзимэ Кобаяси — рабочий, житель Токио, победитель (вместе с композитором Хироми Фудзимото) конкурса на лучшую песню о японо-советской дружбе. Текст песни написан им для японского хорового коллектива «Поющие голоса Японии».

Первые песни в исполнении этого хора, организованного артисткой Акико Сэки (ныне лауреат Международной Ленинской премии мира), прозвучали в стране в послевоенные годы. Коллектив хора стал центром широкого общественного движения за мир, за то, чтобы никогда не могла повториться трагедия Хиросимы. В движении участвуют миллионы людей различных возрастов и профессий. В Японии существует центральный хор «Поющих голосов Японии» и тысячи его филиалов на местах, которые ежегодно проводят свои фестивали. Делегация хора в 1957 году побывала в Москве, на Всемирном фестивале молодежи и студентов, с большим успехом исполнив на нем песню «Токио — Москва».

Вакаэ Кадокура — член хорового коллектива «Поющие голоса Японии»; в репертуар хора входит написанная им песня «Долой водородную бомбу!».

СОДЕРЖАНИЕ

<i>К. Симонов. Нет — войне!</i>	3
ПЕСНИ ХИРОСИМЫ	
ТАМИКИ ХАРА	
Дайте воды!	9
САНКИТИ ТОГЭ	
Рассвет	11
СОСЮН ФУКАГАВА	
Руки тянутся ввысь	13
КИСИРО ТАНАКА	
Холм	15
Закат	16
ТАКАНОРИ СИМИДЗУ	
Людям всего мира	17
Жизнь	20
СЁСУКЭ СИМА	
Плывущий букет	21
МИЯО ОХАРА	
«Цветок атомной бомбы»	23

КАМЭТАРО ТАНАКА	
Реальное видение	25
МИТИТАКА ЯМАДА	
Утренний пейзаж	26
ХИРОХИДЭ ЦУНОДА	
Прощание в море	29
СИНЪИТИ МАЦУНАГА	
Моей жене	30
ЭЙСАКУ ЁНЭДА	
Песок шестого августа	32
Новые Офелии	35
В руинах	36
Река в огненном парике	38
Будь прекрасной, река, навеки!	39
Лунный прилив	41
Тебе...	43
Сверкающая дорожка на реке	44
Отсвет на бульжниках мостовой	46
Стихи на памятнике жертвам атомной бомбы	47
САДАКО КУРИХАРА	
Дерево	50
Инвалиды войны	52
СУМАКО ФУКУДА	
Снег	54
Песня любви к матери	56

ФУМИКО НАКАНО	
Скорбь	37
ТОСАБУРО ОНО	
Мания коллекционирования новых слов . .	58
ХИРОСИ НОМА	
Сигнал	61
Мой Токио	63
СИГЭДЗИ ЦУБОИ	
Роза	64
Песня	65
ТОСИКО ИКУТА	
Марш мира	66
КАДЗУО НАКАСИРО	
Подпись за мир	68
КОИТИ ОСЭКИ	
«О синева безмятежного неба!..»	69
ОСАМУ КИЁДЗАВА	
Яблоко	70
МИНОРУ ЯМАМОТО	
Ребенок, продающий орехи	71
ОДАГИРИ КИЁМИЦУ	
Друг детства	73
ХАДЗИМЭ САТО	
Путь жизни	75

Н О Б О Р У Х О Н Д А	
Нас ждут!	77
К Э Н Д З О К А Т О	
Стрекот осенних дикад	79
С И Р О Д З И С А Т О	
Творчество	81
Х И Р О С И Н У Я М А	
Тюремные стены	82
Пылающий снег	85
Амигаса	87
Отпечаток большого пальца	90
Зимнее небо	91
Т А К А К О А С И Д А	
«Каждый раз, только грянет залп...»	93
«Согнувшись под тяжестью ноши...»	94
«Даже в пути...»	95
«Мимо девочки вихрем промчался...»	96
«Здесь, у колючей проволоки...»	97
«Как неистов вихрь штормовой...»	98
«Щиты ненавистные...»	99
Н А О К И У С А М И	
Вершина Фудзи	100
С Лениным вместе!	102
«Осенняя песня»	104
Грустные глаза	106
Дети, трава, цветы и упряжка	108
Зимнее путешествие	110
«Сказание о земле Сибирской»	112

ИМАДЗИ ЯМАДА	
Мы слышим тебя, Алжир!	113
СИГЭХАРУ НАКАНО	
Настоящие люди	115
КАЙКО МАЦУДА	
Радиоволны	119
НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР	
Земля Сунагавы	123
СИНДЗИ НАКАМУРА	
Наш рождественский подарок	126
КЁСУКЭ СИМАДЗУ	
Окинава	128
ХИРОМИЦУ ОСИМА	
Двести пятьдесят...	133
МАСАКИ ИМАМУРА	
Люди, тесней ряды!	136
ХАДЗИМЭ КОБАЯСИ	
Токио — Москва	138
ВАКЭ КАДОКУРА	
Долой водородную бомбу!	140
Справка об авторах	142

ПЕСНИ ХИРОСИМЫ

Редактор *Г. Ярославцев*
Художественный редактор
Ю. Боярский
Технический редактор *Л. Фейлер*
Корректор *В. Элькин*

Сдано в набор 29/IX 1963 г.
Подписано в печать 11/XII 1963 г.
Бумага 60×90¹/₃₂ 5,25 печ. л.
4,23+1 в.=4,26 уч.-изд. л.
Тираж 10 000. Заказ № 904.
Цена 32 коп.

Издательство
«Художественная литература»
Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19

Первая Образцовая типография
имени А. А. Жданова Главполиг-
рафпрома Государственного коми-
тета Совета Министров СССР
по печати.

Москва, Ж-54, Валовая, 28.